

Лев ЛУРЬЕ
Софья ЛУРЬЕ

ЛЕНИНГРАД ДОВАТОВА

исторический
путеводитель

Лев Лурье

**Ленинград Довлатова.
Исторический путеводитель**

«БХВ-Петербург»

2017

УДК 379.8(036)

ББК 26.89

Лурье Л. Я.

Ленинград Довлатова. Исторический путеводитель /
Л. Я. Лурье — «БХВ-Петербург», 2017

ISBN 978-5-9775-3859-6

Эта книга – путеводитель по Ленинграду, каким он был в 1944–1978 годах, когда здесь гулял с няней, ходил в школу, учился в университете, влюблялся, женился, писал рассказы и пытался напечататься Сергей Довлатов, самый популярный русский прозаик второй половины XX века. Три маршрута проведут читателей по памятным местам, познакомят с городским ландшафтом позднего Ленинграда и историческим контекстом. Третье издание дополнено рассказами о том, что в эти годы происходило в важнейших культурных институциях – в городских театрах, на Ленинградской киностудии и в Пушкинском доме. Для широкого круга читателей.

УДК 379.8(036)

ББК 26.89

ISBN 978-5-9775-3859-6

© Лурье Л. Я., 2017
© БХВ-Петербург, 2017

Содержание

Предисловие	6
Маршрут 1	9
Район улицы Рубинштейна	11
Дом Петербургской купеческой управы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лев Лурье, Софья Лурье
Ленинград Довлатова.
Исторический путеводитель

© Лурье Л. Я., 2017

© Лурье С. Л., 2017

© ООО «БХВ-Петербург», 2017

Предисловие

Сергей Донатович Довлатов, как показывают опросы читателей, – самый популярный в родном городе писатель второй половины XX века.

Он жил и работал на одной и той же улице Рубинштейна, с небольшими перерывами, 34 года – с 1944 по 1978 год. Герои Довлатова глубоко погружены в городской социум во всем его разнообразии. Для большинства читателей Довлатова, которые годятся ему в сыновья, а то и во внуки, реалии социалистического Ленинграда туманнее, чем жизнь современного Хельсинки. Ленинград 1940–1970-х годов, словами Бориса Пастернака, «отдаленней, чем Пушкин, и видится словно во сне». Постсоветский Петербург очень мало напоминает тот «город великого Ленина» – разве что дома сохранились. Наша задача – ввести читателя в этот малознакомый ему ландшафт.

1960–1970-е годы, на которые пришлось начало творчества Довлатова-прозаика, – время противоречивое, тяжелое и бедное. Его товарищи по цеху и друзья ютились в комнатах коммунальных квартир, перебивались от получки до получки, стояли в длинных очередях за самым необходимым. Им не давали печататься, выставлять свои картины, запрещали их спектакли, «клали на полку» уже законченные фильмы. В то же время на эту эпоху пришелся небывалый расцвет ленинградской культуры – и официальной, и неофициальной.

В возникшей тогда удивительно питательной среде много имен, которые почти наверняка мало что скажут современному читателю. Между тем писатели, которых условно можно определить как «круг Бродского», включая и Довлатова, – одно из самых сильных поколений в истории русской литературы. В каком-то смысле, Нобелевская премия Иосифа Бродского, как и поистине народная любовь к прозе Сергея Довлатова, – знак признания всего поколения их сверстников и сотоварищей. Гении, как известно, ходят стайками.

Отчасти благодаря текстам самого писателя, отчасти благодаря многочисленным воспоминаниям о Довлатове самых разных и не всегда близко знавших его людей, а также и под влиянием замечательных иллюстраций Александра Флоренского к популярнейшему трехтомнику довлатовской прозы, выпущенному в 1993 году издательством «Лимбус-пресс», иногда складывается впечатление, что Довлатов – это некий первый «митек», гуляка праздный. Такой взгляд в корне неверен: Сергей Довлатов – один из самых целеустремленных, трудолюбивых и организованных писателей своего поколения. На его месте после стольких творческих и житейских неудач большинство бы бросило занятия литературой, тем более, что Довлатов обладал массой способностей, каждую из которых легко мог бы реализовать. Весь «советский» период Довлатова кажется каким-то сизифовым трудом: каждый раз, когда что-то начинает получаться, следует скандал, кризис, донос. К тридцати семи годам – роковому для русской литературы возрасту – на родине не было напечатано ни одного по-настоящему важного для него сочинения.

Довлатов любил в жизни, в общем-то, только писательство, понимаемое широко – как работу над текстом и как предшествующие ей устные рассказы. Человек он был честолюбивый и щепетильный, поэтому неудачи переживал как трагедии. Очередной крах надежд на публикацию вызывал приступ тоски, выходом из которой становились дружеские попойки. Это знак времени: вспомним биографии Владимира Высоцкого, Венедикта Ерофеева, Олега Даля. Ничего обаятельного в пьянстве сам Довлатов не видел.

Наша книга – путеводитель по времени и месту: Ленинграду 1944–1978 годов. Это аннотированный перечень адресов, где Довлатов жил, квартир его друзей, учебных заведений, в которых он учился, учреждений, где работал. Мы постарались коротко рассказать и о городской инфраструктуре того времени – магазинах, кинотеатрах, ресторанах, рюмочных, книжных лавках, о том, что в эти годы происходило в важнейших культурных институциях – в городских театрах, на Ленинградской киностудии и в Пушкинском доме. Другой тип новелл – главные явления, политические и эстетические обстоятельства ленинградского периода жизни Сергея Донатовича.

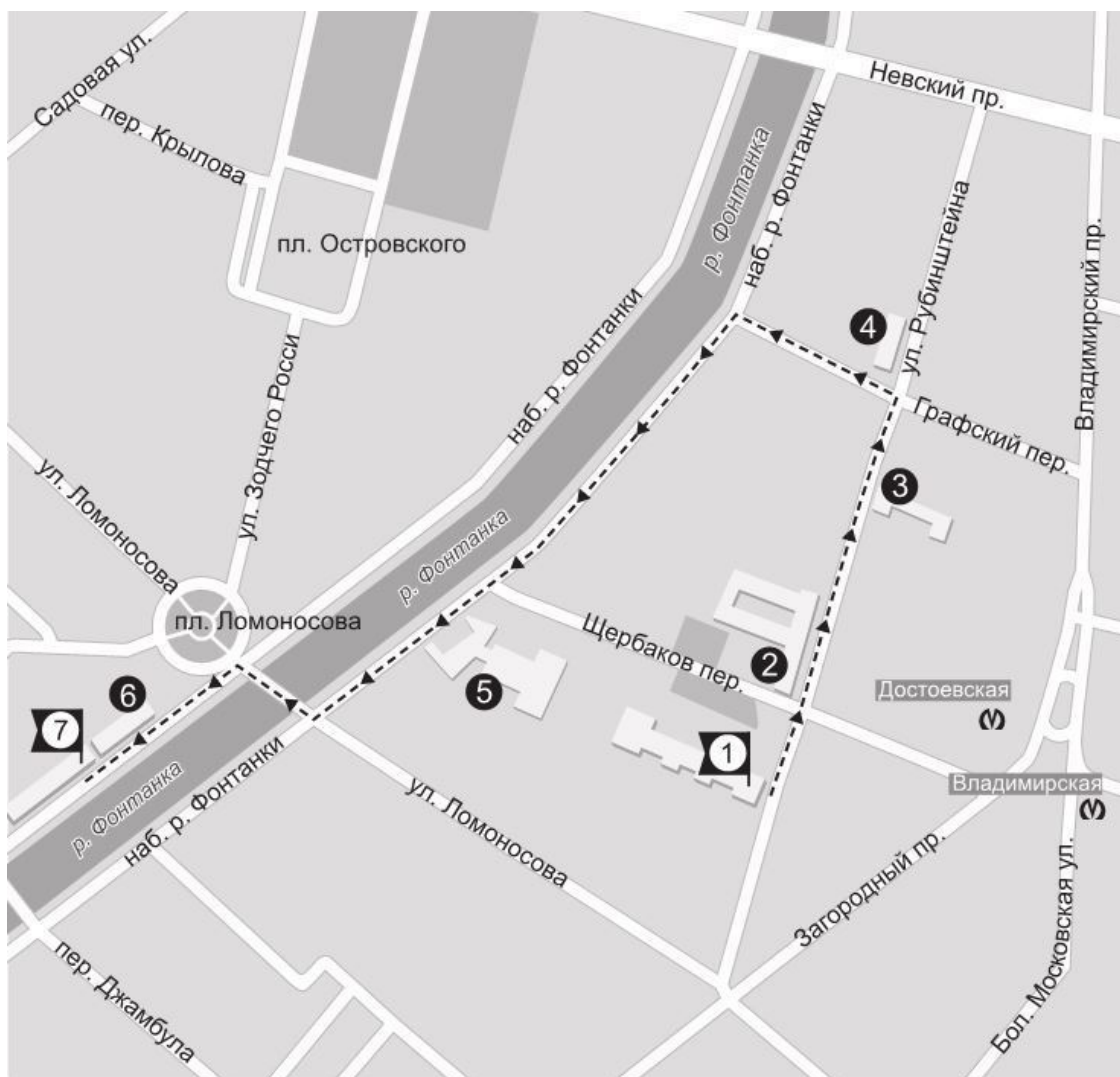
Книга состоит из трех глав – маршрутов. Первая глава – район улицы Рубинштейна, где жил сам Довлатов, его родственники и многочисленные приятели. Эта глава сопровождается заметками о позднем сталинском времени, на которое пришлось детство Сергея Донатовича. Вторая глава – маршрут от университета до дома и время хрущевской «оттепели». Третья охватывает разные адреса, связанные с послеармейским периодом жизни Довлатова, когда он становится профессиональным журналистом и литератором. Последняя глава также описывает Ленинград эпохи брежневского «застоя» (1965–1972, 1975–1978).

Эта книга не могла бы быть написана в такие короткие сроки, если бы не воспоминания, которыми с нами поделились Елена Довлатова, Андрей Арьев, Яков Гордин, Михаил Рогинский, Ася Пекуровская, Стефан Шурко, Всеволод Грач, Евгений Кушкин, Вячеслав Бухаев, Эра Коробова, Вера Сомина.

Маршрут 1 Вокруг улицы Рубинштейна

Пять углов. Район ул. Рубинштейна
Фото Кирилла Сергеева

1 – Дом, где Сергей Довлатов прожил большую часть жизни. Ул. Рубинштейна, 23, коммунальная квартира 34.

2 – Квартира Евгения Рейна. Ул. Рубинштейна, 19.

3 – Квартира Довлатовых. Ул. Рубинштейна, 22, квартира 29.

4 – «Слеза социализма». Ул. Рубинштейна, 7.

5 – Школа № 206. Наб. реки Фонтанки, 62.

6 – Типография им. В. Володарского. Наб. реки Фонтанки, 57.

7 – «Лениздат». Наб. реки Фонтанки, 59.

Район улицы Рубинштейна

В наши дни улица Рубинштейна – одна из самых веселых и оживленных в центре Петербурга. Это наша барная миля: стрит-фуд, крафтовое пиво и рестораны паназиатской кухни, нарядная молодежь, памятник Довлатову, по ночам от Пяти углов до Невского стоит пробка такси.

До 1929 года улица Рубинштейна называлась Троицкой. Когда-то она была хозяйственным проездом, идущим вдоль непарадной части вельможных усадеб на Фонтанке. Исторически это первая коммуникация между Невским и Загородным проспектами (Владимирский трассировали на двадцать лет позже). Вплоть до 1860-х годов вся местность вокруг нынешней станции метро «Достоевская» напоминала скорее теперешнюю Вырицу, чем Петербург. Двух- и трехэтажные каменные дома казались небоскребами среди преобладающей деревянной застройки. Какие-то огороды, пасутся козы, лает Жучка. Жили здесь, по преимуществу, люди, связанные с главной торговой артерией Петербурга, Большой Садовой улицей, представители малого бизнеса и работавшие у них тогдашние гастарбайтеры, в основном уроженцы Ярославской губернии.

Нынешнюю застройку улицы определил катастрофический пожар 22 мая 1862 года. Это случилось в Духов день, когда проходил традиционный смотр купеческих невест в Летнем саду. Все купечество теснилось вдоль главной аллеи сада, наблюдая дефиле из мамаш и девиц, проходящих через шеренги зрителей. Вдруг в пять часов вечера пронесся слух: горит Апраксин двор. Извозчики немедленно вздули цены, так что довольно тучным купцам приходилось либо платить какие-то неслыханные деньги «ванькам», либо, пыхтя и задыхаясь, бежать по Большой Садовой. Действительность превзошла все худшие ожидания: Апраксин двор уже сгорел. Дул сильный западный ветер, поэтому огонь перекинулся через Фонтанку. К девяти вечера сгорело все до Загородного проспекта. Ходили слухи, что катастрофа – дело рук радикально настроенных студентов-социалистов. Последовали репрессии: на восемь месяцев были закрыты журналы «Современник» и «Русское слово», арестованы властители дум либеральной молодежи Дмитрий Писарев и Николай Чернышевский, а также один из создателей «Земли и воли» Николай Серно-Соловьевич. Как бы то ни было, благодаря майскому пожару в двух шагах от Невского образовалась пустошь, исключительно привлекательная для девелопмента.

Почти все кварталы, прилегающие к улице Рубинштейна и теневой стороне Невского, построены в одно и то же время, в 1860–1870-е годы, когда на престоле находился император Александр II. Тогдашняя архитектура отличалась исключительным безобразием. Это и есть Петербург Достоевского: строилась каменная пяти- или шестиэтажная коробка с максимальным количеством окон (их число пропорционально квартплате, получаемой домовладельцами с жильцов). С фасадом архитектор поступал, как провинциальная красавица с макияжем: чем гуще, тем лучше. Только вместо румян и белил он накладывал штукатурный узор, почерпнутый по преимуществу из немецких альбомов по зодчеству.

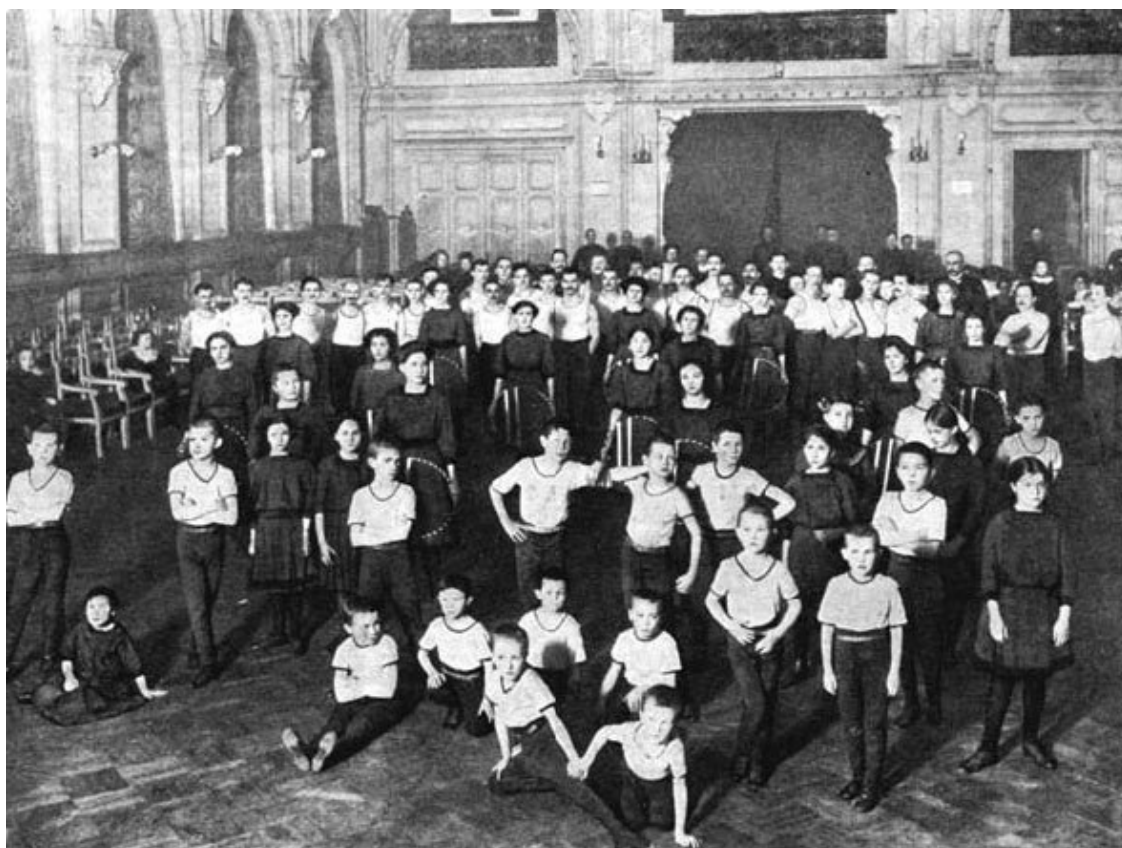
Троицкая улица. 1909 год

Кварталы Троицкой (ныне – Рубинштейна) никогда не были авантажными. Основное население по-прежнему составляли купцы и приказчики рынков Садовой улицы, татары-халатники, мелкий чиновный люд. Здесь Чернышевский писал «Что делать?», Достоевский – «Братьев Карамазовых», а Гаршин бросился в пролет лестницы. Множество приезжих, дешевые гостиницы и меблированные комнаты, по вечерам – толпы праздных гуляк в поисках сомнительных развлечений. Никаких важных для города магазинов, только ремесленные заведения, ломбарды, трактиры. Особенно значным и забубенным считался угол Троицкой и Щербакова переулка, где находился трактир Н. Бугрова – там пьяницы валялись на тротуарах и приличным дамам ходить было небезопасно. На углу с Невским проспектом помещался ресторан «Квисисана» (в переводе с итальянского: здесь поправляются) – грязный притон, открытый ночь напролет и заполненный дамами сомнительного поведения и их клиентами-гуляками.

Тем не менее купцы стремились, чтобы их дети вышли в люди. Весь участок от Фонтанки до Рубинштейна, на котором сейчас находится дом № 23, принадлежал Петербургскому купеческому обществу и к началу XX века его занимали два сооружения, теснейшим образом связанные с Сергеем Донатовичем и его окружением: дом, где он жил, и школа, где он учился, в то время – Петровское коммерческое училище. По соседству, в Чернышёвом переулке (ныне – ул. Ломоносова) в 1870-х возникло Императорское коммерческое училище, будущий Холо-

дильный институт (Ленинградский технологический институт холодильной промышленности), который после исключения из Технологического института окончил Евгений Рейн.

В начале XX века улица оживляется. Все же центр города. В доме № 18, на месте фабрики серебряных и бронзовых изделий Верховцева, появляется Троицкий театр миниатюр (нынешний Малый драматический театр): развлекательное заведение с разнообразным ангажементам в духе современной stand-up comedy и буфетом, привлекавшим не меньшее внимание зрителей. Чуть более фешенебельным был зал А. И. Павловой на Троицкой, 13 (будущий рок-клуб и театр «Зазеркалье»). Зал Павловой сдавался под самые разные торжества – от какого-нибудь благотворительного вечера Угличского землячества до «Балета-карнавала» с Нижинским и Карсавиной в главных ролях.

Зал А. И. Павловой

Фото из журнала «Огонек» № 8 за 1911 год

И в эти же годы в царство эклектики начинает вторгаться модерн. Модный Александр фон Гоген, строитель особняка Кшесинской, возводит для знаменитого коллекционера Левкия Жевержеева доходный дом с башенкой на углу Графского переулка и Троицкой (18/3). Другой хедлайнер тогдашней архитектуры Федор Лидваль строит знаменитый Толстовский дом на участке между Троицкой и Фонтанкой. На углу с Загородным возникает формообразующий для Пяти углов доходный дом Шпеера-Зальмана Иоффа. Архитектор Александр Лишневский спроектировал сооружение с нависающей над перекрестком улиц Ломоносова (Чернышёва переулка), Разъезжей, Загородного и Рубинштейна (Троицкой) башней и множеством встроенных торговых помещений. В этой части Троицкой располагались роскошные магазины: здесь находился автомобильный салон Шапиро, торговали мехами, шляпами, обувью, корсетами, дорожными вещами, вином, нотами и фруктами, и к тому же имелся кинематограф на триста зрителей. В одной из шести квартир жил сам архитектор Александр Лишневский. Ну,

и наконец, в 1911 году гражданский инженер Александр Барышников возводит жилой дом Петербургской купеческой управы с огромным курдонером (парадным двором), где в квартире № 34 с 1944 по 1975 год будет жить Сергей Довлатов.

Надо сказать, в советское время репутация улицы не улучшилась. Предпринимались попытки осовременить ее образ. В 1929 году она была переименована в честь Антона Рубинштейна: без особого смысла, просто чтобы насолить церковникам. Любимец царей, выкрест, композитор Антон Рубинштейн четыре года прожил по адресу: Троицкая улица, 38.

Доходный дом Иоффа у Пяти углов. 1930-е

Сразу после войны на месте зрительного зала А. И. Павловой появляется Межсоюзный дом самодея тельного творчества. В 1956 году в помещение Троицкого театра миниатюр вселяется Малый драматический театр. В 1955 году на доме № 38 появилась мемориальная доска с несколько абсурдистским текстом: «В этом доме с 1887 г. по 1891 г. жил композитор и пианист, основатель Ленинградской консерватории Антон Григорьевич Рубинштейн».

На обитателей улицы Рубинштейна действовал пьянящий и не вполне здоровый воздух Невского проспекта с его магазинами, кинотеатрами, модницами, городскими сумасшед-

шими, ворами-карманниками и командировочными, приезжающими на Московский вокзал. С другого конца улицы простирались коммунальные трущобы Свечного переулка и Разъезжей, которые вели прямо к главному криминальному месту Ленинграда, Лиговке (Лиговскому проспекту). Никаких значимых магазинов, заведений питания и других институций общественного значения в квартале не было. Впрочем, аккурат в доме № 23, там, где сейчас процветает бар «Цветочки», работал гастроном, где семья Довлатовых покупала готовые котлеты и молочные продукты. Затем магазин перепрофилировался под виноторговлю. В том же доме справа от входа во двор находился пункт приема стеклотары – важная городская примета эпохи застоя. В целом улица выглядела мрачно, пустынно, народ всегда толпился только вокруг главного в центре Ленинграда пункта скупки золота, расположенного на углу с Графским переулком. За золото на черном рынке давали цену больше государственной, и хотя спекуляция считалась тяжелым уголовным преступлением, желающих принять участие в этом опасном бизнесе было предостаточно. Часть «жучков»-валютчиков набрасывалась на продавцов до того, как они успевали занять место в очереди на скупку, и пыталась перекупить их товар. В скупке драгоценности принимали по цене лома, пропорционально количеству золота. Между тем среди клиентов попадались обладатели чудом сохранившихся с дореволюционного времени вещей императорских ювелиров Болина, Фаберже, Хлебникова. Конечно, часть криминальных скупщиков были по совместительству агентами уголовного розыска.

Малый драматический театр. 1950-е.

Фото из справочника «Театральный Ленинград». 1960 год

В конце 1950-х формообразующими для улицы Рубинштейна становятся две торговые точки: модное кафе-автомат на углу с Невским, на месте дореволюционной булочной Филиппова, а также открытый напротив, на месте бывшего ресторана «Квисисана», лучший в городе специализированный магазин «Рыба», где в витринах-аквариумах плавали огромные живые карпы. Здесь же в 1950–1960-е свободно и по нестрашной цене продавали черную и красную

икру из аккуратных бочонков. Из-за этого магазина Довлатов ласково называл родной квартал «улицей Рубинштейна».

«Как известно» все меняется. Помню, работал я в молодости учеником камнереза (Комбинат ДПИ). И старые работяги мне говорили:

– Сбегай за водкой. Купи бутылок лещь. Останется мелочь – возьми чего-то на закуску. Может, копченой трески. Или еще какого-нибудь говна.

Проходит лет десять. Иду я по улице. Вижу – очередь. Причем от угла Невского и Рубинштейна до самой Фонтанки. Спрашиваю – что, мол, дают?

В ответ раздается:

– Как что? Треску горячего копчения!»

С. Довлатов «Соло на ундервуде»

Улица Рубинштейна была приятна для Сергея Довлатова и его семьи еще и тем, что здесь и в окрестностях жило множество их близких знакомых: потомственный аристократ, пушкинист и знаток Владимира Набокова Вадим Старк с супругой, преподавателем истории литературы в Академии художеств Натальей Телетовой; один из самых известных художников ленинградского андеграунда Евгений Михнов-Войтенко, ученик Николая Акимова, создатель собственного направления в абстрактном экспрессионизме. Он жил в доме № 18, на четвертом этаже, над скупкой золота. Работал в комбинате живописно-оформительского искусства, который занимался интерьерным дизайном государственных учреждений. В частности, Михнов-Войтенко оформил ресторан «Москва» и знаменитый кафетерий при нем росписью со стилизованными малороссийскими петухами.

С мастерской Михнова-Войтенко на улице Рубинштейна, 18, и его соратником художником-абстракционистом Михаилом Кулаковым связана история знакомства Сергея Донатовича с его второй женой Еленой, рассказанная ею в интервью журналу «Огонек»: «Мы познакомились в троллейбусе. Сергей заговорил со мной, мы проехали две остановки, потом некоторое время шли по одной улице. Не доходя до Малого драматического театра распрощались – Сергей пошел домой, а я в гости к одному художнику. В гостях было шумно, у меня разболелась голова, я хотела уйти. Сказала, что иду за сигаретами, хозяин послал со мной художника Мишу Кулакова с наказом привести обратно. Киоск был закрыт, я пошла к другому, пытаюсь оторваться от Миши, но он во исполнение задания схватил меня за рукав. И надо же, чтобы в эту минуту мимо шел Довлатов. Он увидел мою борьбу с Мишей, который был в довольно сложном положении: его жена, чтобы удержать его дома, состригла со всей его одежды пуговицы. Он был завернут в рубашку, в пиджак, в пальто, как капуста, – поэтому одной рукой держал брюки, а другой меня. Вдруг сверху раздался голос: “Мне кажется, барышня не хочет с вами идти”. И ко мне: “Лена, вы знаете этого человека?”» Довлатов освободил девушку от настойчивого спутника и проводил до остановки на Невском. В то время он был увлечен Асей Пекуровской, и его отношения с Еленой начались несколькими годами позже.

В 1970-х через дорогу от Малого драматического театра на Рубинштейна, 9, жили бывший политзаключенный, филолог и поэт Леонид Чертков, близкий приятель Иосифа Бродского и Льва Лосева, и его супруга Татьяна Никольская, один из первых в России специалистов по творчеству «заумников» и Константина Вагинова. На углу Невского и Литейного над магазином «ТЭЖЭ» жил светский человек, профессиональный водолаз и замечательный фотограф Лев Поляков, на Владимирском проспекте – ученица Глеба Семенова, поэтесса и специалист по творчеству А. С. Пушкина Татьяна Галушко.

Из людей, близких Довлатову в краткий период студенчества, по соседству обитали также Евгений Кушкин и Людмила Пазюк. Кушкин, пятикратный чемпион Ленинграда по боксу среди юниоров и победитель первенства среди вузов, учился с Довлатовым на одном курсе, но на французском отделении, и жил на Большой Московской улице, 6, в квартире № 4, где в июне

1862 года (то есть через месяц после упомянутого выше пожара) был арестован Николай Чернышевский. Евгений Кушкин вспоминал: «Набоков в “Даре” описывает сцену ареста Чернышевского, когда тот выходит в соседнюю комнату и съедает документы. Я эту сцену живо себе мог представить, и меня удивляло, как достоверно писатель воспроизвел обстановку квартиры. Мы по этому поводу много шутили с Сергеем – паркетный пол был изрядно попорчен, и мы представляли, как в этой комнате собирались картежники-нигилисты. Помню, как однажды к нам пришла Нора Сергеевна. Довлатовы подарили мне щенка, но появилась она, я думаю, чтобы заодно узнать, как дела у Сергея, с кем он общается – она старалась наблюдать за его окружением. Как раз в это время в 1961 году наш дом собирались поставить на капремонт. Я, извиняясь за интерьер, сказал: “Видите, какая обстановка, фанэра на потолке”. Нора Сергеевна строго заметила: “Молодой человек, избегайте этих ошибок – «фанера», как «шинель» и «музей», произносится через "е"!” Это внимание к слову в семье Довлатовых культивировалось». Мила Пазюк, первое студенческое увлечение Довлатова, также жила неподалеку, на Разъезжей улице у Пяти углов.

Дом Петербургской купеческой управы

Ул. Рубинштейна, 23, кв. 34

«Жили мы в отвратительной коммуналке. Длинный пасмурный коридор метафизически заканчивался уборной. Обои возле телефона были испещрены рисунками – удручающая хроника коммунального подсознания. <...> Наша квартира вряд ли была типичной. Населяла ее главным образом интеллигенция. Драк не было. В суп друг другу не плевали. (Хотя ручаться трудно.) Это не означает, что здесь царили вечный мир и благоденствие. Тайная война не утихала. Кастрюля, полная взаимного раздражения, стояла на медленном огне и тихо булькала...»

С. Довлатов «Наши»

Двор дома 23 по ул. Рубинштейна
Фото Кирилла Сергеева

Большая часть ленинградской жизни Сергея Довлатова прошла в доме № 23 по улице Рубинштейна, построенном в 1911 году гражданским инженером Александром Барышниковым. Барышников был известным в городе зодчим, состоял членом Государственной Думы и даже был назначен министром Временного правительства после Февральской революции. Исходя из стандартов Серебряного века, дом – шикарный: центр города, налет северного

модерна, три двора, один из которых распахнут на улицу Рубинштейна, чугунное литье, фонарики над входом, декоративные колонны в парадных, кафельные печи. В доме изначально были устроены лифты, имелось паровое отопление, гаражи.

До революции квартиру здесь имел богатейший купец-лесопромышленник Антип Ефремов, чей сын Иван Ефремов стал известным на весь Советский Союз писателем-фантастом и видным палеонтологом. В 1920-х в доме на Троицкой поселилось семейство Райкиных, Аркадий Райкин ходил в ту же школу № 206, которую впоследствии окончил Сергей Довлатов. С середины 1920-х жилплощадь в доме предоставлялась артистам Ленинградского театра драмы им. А. С. Пушкина – соседом Довлатовых был, например, народный артист СССР Константин Адашевский.

Как и прочие многоквартирные дома в центре города, в 1920-х он подвергся уплотнению: в жилище, рассчитанном когда-то на одну семью, теперь ютилось от 20 до 30 человек. Довлатовская квартира № 34 на третьем этаже до революции принадлежала семейству Овсянниковых – один из них, «жизнелюбивый инженер» Гордей Овсянников с домочадцами продолжал жить на уплотненной жилплощади и в 1950-х.

Мать Сергея Довлатова Нора Сергеевна, 28-летняя артистка драматического театра, получила в этой коммуналке две смежные комнаты окнами в темный проходной двор в декабре 1936 года. Отсюда она уехала в эвакуацию (по рассказам матери Довлатов вспоминал, как эшелон с эвакуированными остановился в Кургане, и местные жители пришли посмотреть на них, приговаривая «жидков привезли, жидков привезли»). В июле 1944 года Нора Довлатова вернулась на улицу Рубинштейна со своей большой семьей: в двух смежных комнатах разместились ее трехлетний сын Сергей, муж Донат Исаакович Мечик, его мама Раиса Рафаиловна и родная сестра Норы Анель Сергеевна. Постепенно, однако, комнаты пустели: бабушка Раиса умерла через месяц после возвращения, Донат спустя несколько лет ушел из семьи, Анеля (так ее звали близкие) вышла замуж и завела собственное хозяйство. По-видимому, когда мать и сын стали жить вдвоем, была приглашена немецкая няня Эльза Карловна, которая присматривала за Сережей, пока Нора Сергеевна была на работе. К Довлатовым она попала по рекомендации подруги Норы Сергеевны, актрисы Нины Черкасовой. Русская немка очень боялась, что работодатели на нее донесут, поэтому часто кочевала из семьи в семью. В прозе Довлатова няня, переименованная в Луизу Генриховну, – трагикомический персонаж.

Нора Сергеевна Довлатова. 1930-е
Из архива сестер Плисецких

«В детстве у меня была няня, Луиза Генриховна. Она все делала невнимательно, потому что боялась ареста. Однажды Луиза Генриховна надевала мне короткие штаны. И засунула мои ноги в одну штанину. В результате я проходил таким образом целый день.

Мне было четыре года, и я хорошо помню этот случай. Я знал, что меня одели неправильно. Но я молчал. Я не хотел переодеваться. Да и сейчас не хочу».

С. Довлатов «Чемодан»

Кроме Довлатовых в семикомнатной квартире постоянно жили 6–7 семей, по преимуществу интеллигентных пролетариев. Среди них, например, были инженер-картограф Мария Цатинова, актриса Ленгосэстрады Алла Журавлева и ее муж, музыкант Радиокомитета Аркадий Журавлев, бухгалтер Ленинградского военного округа Зоя Свистунова. Две комнаты занимало семейство Клауса Карловича Петерсона, у остальных было по одной. Большинство соседей Довлатова превратились в персонажей его прозы. Квартуполномоченный подполковник Константин Тихомиров, который нередко появлялся перед светскими гостями Довлатовых голый по пояс, щеголяя подтянутым торсом, и вовсе – герой первого плана. Дверь его комнаты находилась рядом с коммунальным телефоном, по которому Довлатов разговаривал часами, вызывая бешенство Тихомирова.

«И вот однажды я беседовал по коммунальному телефону. Беседа эта страшно раздражала Тихомирова чрезмерным умственным изобилием. Раз десять Тихомиров проследовал узкой коммунальной трассой. Трижды ходил в уборную. Заваривал чай. До полярного сияния начистил лишние индивидуальности ботинки. Даже зачем-то возил свой мопед на кухню и обратно. А я все говорил. Я говорил, что Лев Толстой по сути дела – обыватель. Что Достоевский сродни постимпрессионизму. Что апперцепция у Бальзака – неорганична. Что Люда Федосеенко сделала аборт. Что американской прозе не хватает космополитического фермента... И Тихомиров не выдержал. Умышленно задев меня пологим животом, он рявкнул:

– Писатель! Смотрите-ка – писатель! Да это же писатель!.. Расстреливать надо таких писателей!..»

С. Довлатов «Ремесло»

По-видимому, в начале 1950-х семейство попытались уплотнить: для двух человек две комнаты «больно жирно». Категорически не любившая ни к кому обращаться за помощью Нора Сергеевна на этот раз попросила об одолжении свою близкую подругу Нину Черкасову. Вмешательство народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии, депутата Верховного совета Черкасова не дало урезать жилплощадь. Тем не менее столкновения с соседями продолжались еще долгие годы.

Некоторое время в квартире № 34 жила Ася Пекуровская, на которой Довлатов женился в 1962 году и расстался незадолго до ухода в армию. С 1963 года начались отношения с Еленой Довлатовой (Ритман), с которой писатель был знаком еще с доармейского времени. Проведя год в Коми, Довлатов перевелся в часть под Ленинградом и, благодаря статусу женатого мужчины, имел возможность брать увольнительную каждую неделю и видеться с Еленой. С января по апрель 1964-го они снимали комнату в Автово, потому что Нора Сергеевна на период службы Сергея в армии сдала его комнату студенту консерватории. Весной Елена переехала на Рубинштейна. В августе 1965 года закончилась армейская служба Довлатова. Незадолго до появления на свет их общей с Еленой дочери Сергей Донатович получил развод от первой жены. В 1966 году родители оформили свидетельство о рождении Екатерины Довлатовой вместе с новым свидетельством о браке. Супруги Довлатовы жили в отдельной комнате, а в другой была кровать Кати и отгороженная сервантом половина Норы Сергеевны. Заметными предметами обстановки были шкаф времен Павла I и дореволюционный концертный рояль. Елена, как и Нора Сергеевна, устроилась работать корректором в типографию имени Володарского. Сергей с фокстерьером Глашей нередко ходил встречать жену с работы, и этот маршрут легко

можно повторить: из парадной, где находится квартира № 34, путь ведет направо под арку, в проходной двор, стену которого теперь украшает граффити с печатной машинкой и надпись «Довлатов жив». Отсюда можно попасть на улицу Ломоносова, а затем на набережную Фонтанки, 57.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.